

— Кататься на скейте, нельзя что ли?

Она выглядела так, будто действительно не понимала его намеков, и приняла свое излюбленное невинное выражение лица.

Чи Илань не стал ей отвечать, крутанул руль и выехал с набережной.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем машина въехала в узкий на первый взгляд проезд, за которым, однако, открылось просторное пространство.

Перед глазами предстала четырехэтажная вилла. Вокруг нее густо росли бамбуковые изгороди: сероватое здание было выполнено в западном стиле, но во дворе журчали ручьи и были перекинuty маленькие мостики на китайский манер. Спокойная ряска на воде и строгий бамбуковый лес создавали в такую дождливую ночь особое, изысканное настроение.

Теплый морозящий дождь ранней осени нехотая принес с собой сырость. Гу Пинью вылезла из машины, подставила ладонь под капли теплой воды, и в тот же миг Чи Илань укрыл ее зонтом.

Чи Илань сделал несколько шагов вперед, в полумраке не рассчитав расстояние, так что ее спина почти прижалась к его груди.

Он опустил взгляд и увидел ее гладкую, излучающую легкое сияние макушку. Длинные волосы были небрежно собраны черной резинкой, у висков пушились короткие прядки, а профиль казался до прозрачности белым.

Чи Илань с трудом сглотнул в горле застрявший комок, отступил на полшага назад и, когда она подняла на него голову, сунул ей в руку зонт.

— Сначала зайди внутрь.

Гу Пинью сжала ручку зонта и обернулась. Заметив, что он, прислонившись спиной к машине, отступает под дождики, она удивленно спросила:

— Разве машину не нужно ставить в гараж?

Чи Илань уже обошел автомобиль с другой стороны и собирался снова сесть за руль, но, услышав это, замер. Он так и остался стоять под мелким дождем и терпеливо пояснил:

— Именно поэтому я и велел тебе сначала зайти.

Она на мгновение растерялась, не понимая, зачем ему понадобилось выходить под дождь

только ради того, чтобы припарковать машину, неужели лишь затем, чтобы принести ей зонт?

Увидев, что он садится в машину, ей пришлось отойти назад, а ее взгляд следовал за автомобилем, пока тот не скрылся в гараже.

За домом раскинулась обширная бамбуковая роща, а вдоль самой виллы тянулась открытая галерея под навесом, защищавшая от дождя.

Подойдя ближе, Чи Илань увидел, что она все еще стоит на крыльце галереи. Зонт был уже сложен и служил ей тростью, упираясь в пол.

Подойдя к дверям, он бесстрастно бросил:

— Разве я не велел тебе войти?

Гу Пинью поджала губы:

— Откуда мне знать твой пароль.

Чи Илань редко приводил кого-либо к себе домой и тем более не умел проявлять гостеприимство, а потому совершенно забыл об этом. Получив такой упрек, он на секунду замолчал, но спорить не стал. Не пытаясь отстраниться от нее, он протянул руку, ввел на панели цифры и, распахнув дверь, знаком велел ей заходить первой.

У Гу Пинью не было опыта совместного проживания с Чи Иланем под одной крышей, поэтому, войдя, она осталась стоять в прихожей, аккуратно поставила зонт и, услышав за спиной звук закрывающейся двери, машинально обернулась за помощью:

— Послушай...

Но он стоял вплотную к ней. Она подняла лицо — а он как раз опустил голову, и тут оба поняли, что расстояние между ними сократилось почти до дыхания.

Чи Илань без тени смущения и не шевелясь оглядывал ее, его глубокий и пронизательный взгляд заставил ее вспомнить его прежние, почти жестокие и едкие оценки вроде «странные фантазии» и «достижение целей»...

Боясь снова получить обвинение в скрытых дурных намерениях, Гу Пинью резко отшатнулась назад, но ее поясница угодила прямо в угол тумбочки, отчего лицо мгновенно побледнело от боли.

Чи Илань нахмурился. Он протянул руку, будто намереваясь проверить, сильно ли она ушиблась, но, когда кончики его пальцев коснулись тонкой ткани ее футболки на боку, замер — словно только что пришел в себя. Он снял обувь и прошел внутрь.

— Зайди и присядь, я принесу мазь.

Обернувшись и заметив, что она все так же стоит, придерживая рукой поясницу и застыв с гримасой боли, совершенно не собираясь двигаться с места, Чи Илань приподнял бровь.

— Идти не можешь?

Гу Пинью поморщилась, покачала головой и, глядя на него как на совершенно чужого человека, со смешанной с робким испугом опаской осторожно спросила:

— Ты больше на меня не сердишься? Чи Илань изначально хотел сказать: с чего бы мне злиться, на что тут вообще злиться? Но, вспомнив их ночной разговор на горе у павильона Опьяненные цветами, когда он среди ночи не мог уснуть и вышел покурить, а потом случайно столкнулся с ней, он внезапно потерял дар речи.

Он от природы был слишком хорош собой, но в нем совершенно не чувствовалось земной суеты — от него исходила аура отчужденности, не подпускающая никого близко. Когда он молчал, то казался несколько холодным, а стоило заговорить — и даже самым обычным тоном, — окружающим казалось, что он свирепствует, тем более что в ту ночь он делал ей предупреждение.

Если вдуматься, то Гу Пинью вполне имела основания полагать, что он злится.

Но он просто поленился обращать внимание на ее глупые выходки, с чего бы ему принимать эту мелочь близко к сердцу?

Даже если бы Гу Пинью не появилась и не испортила всё, разве он смог бы гарантированно пробиться в финал? Вряд ли. Он не мог отрицать, что его тело еще не до конца восстановилось.

Маленькая девчонка влезла и всё испортила, и он разозлился — если говорить на чистоту, в большей степени это было вымещением зла на первом попавшемся.

Но, в конце концов, она была девчонкой, о присмотре за которой его просила семья Гу, и он непреднамеренно сорвал на ней злость, заставив так дрожать от страха. Сейчас на душе у него было несколько неловко, поэтому он намеренно смягчил тон.

Чи Илань по-прежнему сохранял свое хмурое выражение лица, но слова прозвучали куда мягче, чем прежде.

Шагая к ней, он негромко произнес: — Я не злющий. На что мне на тебя злиться?

Говоря это, он присел на корточки, напоминая полупоклоном хищника, чем до смерти напугал Гу Пинъю. Она попыталась отпрянуть назад, но он уже ухватил ее за шнурки.

Чи Илань поднял на нее взгляд и приказал: — Не двигайся.

Гу Пинъю застыла с таким лицом, будто у нее собираются отнять жизнь и имущество: — С чего это вдруг такая доброта?

— Разве ты не ударила поясницей?

Развязывая шнурки, Чи Илань на мгновение погрузился в задумчивость. Он действительно никогда ни за кем не ухаживал, и в его памяти лишь домашняя помощница вот так же присаживалась на корточки, чтобы завязать ему обувь.

Кеды Гу Пинъю были очень чистыми, по всему было видно, что дома о ней заботятся с особой тщательностью. Это заставило его вспомнить, что его определение ее характера всегда сводилось к нескольким скучным и банальным вещам: послушная девочка, хорошая ученица, маленькая фанатка...

Закончив возиться со шнурками, он боялся, что Чи Илань снова сойдет с ума и попытается стянуть с нее обувь, поэтому Гу Пинъю поспешно сама сбросила их, шагнула на паркет в гостиную и произнесла: — Я в порядке, уже не болит.

Проигнорировав ее заявление о крепком здоровье, Чи Илань принес аптечку, но вдруг о чем-то задумавшись, замер на месте.

Оба некоторое время смотрели друг на друга перед диваном.

— Наверху есть гостевая комната, — помолчав, добавил Чи Илань. — Дверь можно запереть изнутри.

Гу Пинъю не сразу сообразила: — А?

Чи Илань пристально посмотрел на нее, сильнее сжимая в руке ручку аптечки.

Это ведь значит, что она хочет, чтобы я осмотрел ее травму?

Ладно.

Она ведь совсем ребенок.

Ничего страшного.

Успокоив себя таким образом на пару секунд, он указал ей на диван, предлагая сесть. Сегодня Гу Пинъю вела себя необычайно послушно, словно бездушный робот: на один приказ приходилось одно движение, и она послушно опустилась на сиденье.

Не успела она открыть рот, чтобы сменить тему, как Чи Илань уже оказался рядом, ухватился за нижний край ее футболки и с бесстрастным лицом произнес: — Повернись, я посмотрю.

Гу Пинъю на миг онемела от шока, потеряв дар речи.

А он уже протянул руку, приподнял край одежды и взглядом дал понять, чтобы она развернулась в другую сторону.

В голове у Гу Пинъю внезапно стало пусто, и она послушно повернулась к нему спиной.

Край футболки замер, поднявшись на несколько дюймов. Человек за ее спиной, казалось, и впрямь хотел лишь из лучших побуждений взглянуть на ушиб, и спокойно произнес: — Посинело.

Кондиционер в комнате работал на очень низкой температуре, иначе ее кожа сейчас наверняка покрылась бы мельчайшими капельками пота. Немного нервно, она подала голос в ответ: — И... и что теперь делать?

— Наклеим пластырь.

Услышав его ровный голос, следом за которым ткань снова опустилась на ее кожу, она почему-то почувствовала облегчение.

<http://bllate.org/book/21436/2190831>